
50-летие Октября на страницах американской научной периодики

Ольга Большакова

The 50th anniversary of the October revolution in the American academic periodicals

Olga Bolshakova

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Moscow, Russia)

DOI

Закончился юбилейный 2017 г., от которого ожидали многого, — и ожидания эти не оправдались. Юбилей революции состоялся, однако сказать, что он «отшумел», нельзя. Он не оставил даже чувства пустоты, которое наступит после грандиозных празднований. Просто потому, что их не было. Как не было и серьёзных споров среди специалистов, выплёскивавшихся в публичное пространство. Конечно, прошли конференции и круглые столы разной степени представительности, вышло достаточно много публикаций, в том числе и монографических — также разного качества. Но почему-то при обращении к теме революции возникает непреодолимое желание окунуться в прошлое и посмотреть, как воспринимали историки события 1917 г. «раньше» — например, что писали и как отмечали их юбилей 50 лет назад. Возможно, это позволит кое-что понять и про наше сегодня.

Если обратиться к советскому прошлому, то с первого взгляда становятся понятны причины более чем скромного интереса научного сообщества к, казалось бы, неисчерпаемой и неизбыточной теме. Налицо явный разрыв в историографической традиции. Массив советских «юбилейных» текстов вызывает у современного историка чувство отторжения: их язык, стилистика и система понятий выглядят безнадежно устаревшими и чуждыми. Сегодня такой градус политизированности и идеологизированности, такая степень упрощённости присутствуют в текстах публицистических, откровенно пропагандистских — но не в профессиональных.

Несколько иная ситуация наблюдалась в те времена в зарубежной историографии, которая не испытывала прямого идеологического давления и имела больше возможностей сосредоточиться на научной стороне проблемы. Несомненно, здесь существовали свои «подводные камни» и «категорические императивы», однако 1967 г. — время хотя и переломное, но для западной русистики относительно благополучное. Заканчивался период её профессионального становления, оформились полноценные научные дисциплины, нацеленные на изучение обширного «советского пространства»: история, экономика, социология, политология, литературоведение¹. «Политика» ещё не оказывала непосредственного влияния на Russian/Soviet studies — хотя уже вовсю бурлила в

© 2018 г. О.В. Большакова

¹ Engerman D.C. Know your enemy: The rise and fall of America's Soviet experts. Oxford, 2009. P. 8—9.

университетских кампусах и за их стенами. 1968 год был ещё впереди, как и грядущие сражения между двумя поколениями американских историков-русистов (которые как раз и начались вокруг проблемы «Русской революции»). Однако общий либертарианский дух эпохи — движение за гражданские права, протесты против войны во Вьетнаме, подъём левого радикализма и многое другое, — несомненно, должен был сказаться на повестке дня юбилея 1917 г.

В то же время нельзя упускать из виду и историографический контекст. Как известно, Октябрьская революция являлась приоритетной темой для историографии периода холодной войны. Фактически это была одна из точек идеологического противостояния сверхдержав. Для СССР Октябрь — легитимизирующее событие, момент, с которого государство вело отсчёт своего существования. Поэтому трактовки 1917 г. имели жизненно важное значение. В советской и западной историографии они, как принято считать, носили зеркальный характер.

Сегодня, по прошествии времени и благодаря развитию исторической науки, мы уже понимаем, что существовало два нарратива о русской революции — нарратив победителей, который создавался главным образом в Советском Союзе, и нарратив побеждённых, писавшийся в эмиграции². Ситуация, в общем, стандартная для событий такого рода, только в российском варианте эмигрантский нарратив имел свою особенность. В его создании задавали тон не контрреволюционеры, а, напротив, сторонники революции, представители политических партий, находившихся в оппозиции к самодержавию, преимущественно — кадеты и меньшевики. Таким образом, в данном случае речь идёт скорее о проигравших Февраль, а не о побеждённых.

Свой нарратив начали создавать и зарубежные историки. Он далеко не во всём совпадал с эмигрантским, кое в чём обнаруживая сходство с советским. В центре внимания находилась проблема легитимности Октября, которая в советской историографии была решена достаточно просто: считалось, что установление советской власти произошло по воле народа, который поверил большевикам и пошёл за ними. Зарубежные историки либо полностью отрицали легитимность Октября, вслед за русскими эмигрантами называя его «переворотом», совершённым кучкой заговорщиков, и отдавая предпочтение «стихийному» Февралю, либо — в наиболее консервативных вариантах интерпретаций — порицали само свержение монархии. В отличие от советских историков, первоначально они основывались не на архивных материалах, а главным образом на свидетельствах очевидцев и участников событий. В послевоенных спорах оформились два лагеря: «пессимистов», считавших революцию неизбежной, и «оптимистов», утверждавших, что «если бы не война», Россия успешно двигалась бы по общему для всех цивилизованных стран пути прогресса и просвещения.

С утверждением в зарубежной историографии теории модернизации формируется самостоятельный нарратив революции 1917 г. Точкой отсчёта в его создании можно (с определённой долей условности) считать публикацию в 1964—1965 гг. программной статьи Леопольда Хеймсона «О проблеме социальной стабильности в городской России, 1905—1917 гг.»³. В ней доказывалось, что волнения среди рабочих и социальная поляризация поставили Россию на

² Corney F.C. Telling October: Memory and the making of the Bolshevik revolution. Ithaca, 2004. P. 1—10.

³ Haimson L. The problem of social stability in urban Russia, 1905—1917 // Slavic Review. 1964. Vol. 23. № 4. P. 619—642; 1965. Vol. 24. № 1. P. 1—22.

грань революции ещё до начала Первой мировой войны. Это знаменитая публикация, важная как для изучения 1917 г., так и для зарубежной русистики в целом. Она обозначила поворот к социальной истории революции, дала импульс отходу от политических интерпретаций и от теории тоталитаризма к ревизионизму. Кроме того, с тех пор локомотивом в изучении Русской революции за рубежом стала американская историография. На ней мы и сосредоточим внимание⁴.

В 1960-х гг. в США выходило несколько журналов, специализировавшихся на России/СССР. Ведущих было два — «The Russian Review» и «Slavic Review». Их научный уровень был весьма высок, рукописи проходили строгий отбор и должны были соответствовать общему направлению журнала.

«The Russian Review», после своего переезда из Лондона в Нью-Йорк в 1941 г. ставший детищем русской эмигрантской диаспоры, отнёсся к 50-летию революции с присущим русским людям пиететом к круглым датам. Его тогдашний редактор Димитрий фон Мореншильдт во вступительной заметке к первому номеру 1967 г. сформулировал юбилейную повестку дня. Демонстрируя строго политический подход, «завязанный» на смены режима, он писал, что в 1917 г. произошло два крупных события, ставших поворотным пунктом в истории не только России, но и всего мира — падение монархии и захват власти большевиками. С тех пор на Западе опубликовано огромное количество материалов по революции и нет уже тех эмоций, которые сопутствовали оценкам, дававшимся по горячим следам. Однако многие вопросы исследованы явно недостаточно, существует большой разброс мнений, и сейчас — самое время подвести некий итог изучению русской революции. Для этого планировалось дать интерпретации захвата власти большевиками, проанализировать результаты коммунистического правления и оценить его перспективы (обозначив факторы сохранения стабильности и факторы упадка). Особой задачей было представить свидетельства очевидцев и участников событий, которых становилось всё меньше (по выражению Мореншильдта, они «вымирают»)⁵.

«Нарратив проигравших», таким образом, пополнялся новыми источниками, пусть уже совсем немногочисленными. Надо сказать, что журнал с самого начала своего существования публиковал свидетельства очевидцев революционных событий, его сотрудники участвовали в переводе и подготовке к изданию мемуаров. К юбилею удалось собрать представительный корпус текстов. В первом же номере, который хронологически совпал со столетием Февральской революции, помещены записки С.Г. Пушкарёва о 1917 г. в Харькове, где он тогда учился в университете, и З. Шаховской, представившей Февраль глазами ребёнка⁶. В последующих номерах мы найдём воспоминания Е.А. Извольской, дочери бывшего министра иностранных дел, а на тот момент — посла в Париже. Она писала о восприятии февральских событий парижской публикой и дипломатами и сообщила ряд интересных деталей, поскольку отец всегда был с ней откровенен. Очень хороши воспоминания чиновника Министерства

⁴ Безусловно, масштаб исследований революции 1917 г. в США несопоставим с СССР, где ежегодно публиковалось несколько тысяч текстов по этой теме. То же самое можно сказать и о куда более скромных юбилейных празднованиях, что как раз и позволяет рассмотреть их в рамках статьи.

⁵ *Morenschildt D.* From the editor // *The Russian Review*. 1967. Vol. 26. № 1. P. 3.

⁶ *Pushkarev S.G.* 1917 — a memoir // *The Russian Review*. 1967. Vol. 26. № 1. P. 54—67; *Schakovskoy Z.* The February revolution as seen by a child // *Ibid.* P. 68—73; *Idem.* The October Revolution as seen by a child // *Ibid.* № 4. P. 376—390.

земледелия и приват-доцента Петроградского университета Г.К. Гинса. Кроме того, опубликован отрывок из «Сентиментального путешествия» В.Б. Шкловского под заголовком «На фронте — 1917», переведённый Робертом Шелдоном⁷.

Вышли и рецензии на мемуары: «На закате империи» В.Н. фон Дрейера, «Страдные годы России» гр. В.П. Зубова и ряд других, которые дают представление о том, как за рубежом во второй половине 1960-х гг. пополнялась копилка источников о русской революции. Большинство из них опубликовано на английском языке, как, в частности, выпущенные к юбилею воспоминания П.Н. Милюкова⁸. Важная деталь: круг воспоминаний не ограничивался русскими очевидцами — переизданы записки небезызвестного Б. Локкарта и другие тексты.

Что касается «интерпретаций», то здесь слово было предоставлено американцам. Тон задала статья о Февральской революции Уильяма Генри Чемберлина, чей двухтомный труд «Русская революция, 1917—1921» (1935) к этому времени был признан классическим⁹. Чемберлин назвал её «Мартовской», подчеркнул её стихийный характер (поскольку руководители трёх революционных партий — большевиков, меньшевиков и эсеров — находились либо в тюрьме, либо за границей) и писал о «медовом месяце» свободы, в котором видел избыток патетики — учитывая последовавшую вскоре Гражданскую войну и всё, что ей сопутствовало. Автор указал два пути, по которым могла пойти Россия после падения монархии: либеральный, демократический, предполагавший решение социальных и экономических проблем при помощи новых свободных институтов и политики компромиссов, и революционный, который привёл к диктатуре, а затем — к тоталитаризму¹⁰.

Роберт Дэниелс, принадлежавший к первому послевоенному поколению американских русистов, в будущем — крупный советолог, опубликовал статью о победе большевиков, явившейся, по его мнению, результатом исключительного стечения обстоятельств¹¹. Фактически он повторил концепцию своей только что изданной книги «Красный Октябрь», которая в какой-то степени явилась предтечей ревизионистских исследований¹². Суть её в том, что в партии большевиков существовало несколько течений, предполагавших разные варианты развития, и победа Ленина и ассоциировавшегося с ним «тоталитарного» пути вовсе не была предопределена.

Пол Аврич, специализировавшийся на русском анархизме и также выпустивший к юбилею книгу, дал небольшой очерк «Анархисты в 1917 г.». Труман Б. Кросс написал об эсерах и Чернове, а ветеран *Russian studies* Дж. Кларксон поразмышлял о том, какое будущее ждёт Россию, исходя из её прошлого¹³.

⁷ *Iswolsky H.* The Russian revolution seen from Paris // *The Russian Review*. 1967. Vol. 26. № 2. P. 153—163; *Guins G.C.* The fateful days of 1917 // *Ibid.* № 3. P. 286—295; *Shklovsky V.* At the front — summer 1917 // *Ibid.* P. 219—230.

⁸ *Milliukov P.* Political memoirs, 1905—1917. Это перевод книги, подготовленной к изданию М.М. Карповичем и Б. Элькиным и вышедшей на русском языке в 1955 г.

⁹ *Chamberlin W.H.* The first Russian revolution // *The Russian Review*. 1967. Vol. 26. № 1. P. 4—12; см. также: *Chamberlin W.H.* The short life of Russian liberalism // *Ibid.* № 2. P. 144—152.

¹⁰ *Chamberlin W.H.* The first Russian revolution. P. 9—10, 12.

¹¹ *Daniels R.V.* The Bolshevik gamble /// *The Russian Review*. 1967. Vol. 26. № 4. P. 331—340.

¹² *Daniels R.V.* Red October: The Bolshevik revolution of 1917. N.Y., 1967.

¹³ *Avrich P.* The anarchists in the Russian revolution // *The Russian Review*. 1967. Vol. 26. № 4. P. 341—350; *Cross T.B.* Purposes of revolution: Chernov and 1917 // *Ibid.* P. 351—360; *Clarkson J.D.* Russia and the future // *Ibid.* P. 361—375.

Отдельно была проанализирована подборка книг о революции. Текст вышел под характерным названием «Старое вино в новые мехи»¹⁴. По справедливому замечанию автора обзора Артура Адамса, отсутствие единодушия в оценках заставляет предположить, что за 50 лет так и не сложилось адекватной исторической перспективы, а сложная панорама революции и её последствий не может уместиться в прокрустово ложе какой-либо одной объясняющей модели.

Публикация статей продолжилась в 1968 г., правда, в меньшем объёме. Основной массив рецензий на значимые книги, выпущенные к юбилею, также пришёлся на этот год. В них главным образом и решалась поставленная редактором задача — оценить успехи и перспективы советской власти. В рубриках «Новые книги о 1917 г.» и «Новые книги о 50-летию советской власти», а также в рецензии на материалы симпозиума, посвящённого 1917 г., наиболее широко и разнообразно представлена проблема «всемирного значения Великой Октябрьской революции»¹⁵. Большинство авторов (включая Арнольда Тойнби) достаточно высоко оценили усилия по построению нового общества в Советском Союзе, но не за рубежом. Что касается влияния революции и большевизма как идейно-политического течения на мир, были рассмотрены самые разные его аспекты: от рабочего движения и признания марксизма «академически респектабельным» до проекта модернизации, который, собственно, и явился главным уроком, извлечённым демократическими странами из «советского эксперимента»¹⁶.

Материалы опубликованные в «The Russian Review», дают сбалансированную картину исследований 1917 г. на тот момент времени. Большую роль в них играла русская составляющая — причём не только свидетели и участники революционных событий, но и представители младшего поколения эмиграции. Они привносили в эти исследования значимый «лирический» и «литературный» компонент (среди юбилейных публикаций — статья Г. Анненкова «Поэты и революция» об А. Блоке, В. Маяковском и С. Есенине)¹⁷. Вторая составляющая — историки-американцы, как представители старшего поколения, так и молодёжь. И, наконец, «специалисты широкого профиля», в 1960—1970-х гг. ещё не сдавшие доминирующих позиций в русистике.

Особо следует отметить представителей народившейся советологии, которая более широко представлена на страницах «Slavic Review». Будучи органом Американской ассоциации содействия славянским исследованиям (American Association for the Advancement of Slavic Studies — «triple A, double S», как называли её в обиходе), созданной в 1948 г., журнал вместе с ней претерпел в 1960 г. серьёзную трансформацию. Под прежним названием была создана новая организация, объединившая специалистов по СССР и странам Восточной Евро-

¹⁴ Adams A.E. New books on the revolution: Old wine in new bottles // The Russian Review. 1967. Vol. 26. № 4. P. 391—398. Rec. ad op.: Shukman H. Lenin and the Russian Revolution. N.Y., 1967; Deutscher I. The unfinished revolution. N.Y., 1967; Tompkins S.R. The triumph of Bolshevism: Revolution or reaction? Oklahoma, 1967; Wolfenstein V. The revolutionary personality: Lenin, Trotsky and Gandhi. Princeton, 1967.

¹⁵ Avrich P. New books on 1917 // The Russian Review. 1968. Vol. 27. № 2. P. 225—230; Chamberlin W.H. New books on fifty years of Soviet rule // Ibid. P. 231—236; Triska J.F. Rec. ad op.: The impact of the Russian Revolution, 1917—1967: The Influence of Bolshevism on the world outside Russia. [A Symposium: A. Toynbee, N. McInnes, H. Seton-Watson, P. Wiles, R. Lowenthal]. L.; N.Y.; Toronto, 1967 // Ibid. P. 243—244.

¹⁶ Triska J.F. Op. cit. P. 243—244.

¹⁷ Annenkov G., Todd W. The poets and the revolution — Blok, Mayakovsky, Esenin // The Russian Review. 1967. Vol. 26. № 2. P. 129—143.

пы. За несколько лет число её членов выросло с 600 человек до почти 2 тыс. Выходивший при ней журнал «The American Slavic and East European Review» получил название «Slavic Review» и круто изменил свою направленность, став из преимущественно филологического междисциплинарным и включив в круг своих интересов острые и теоретически интересные проблемы исследований России/СССР и Восточной Европы. В течение нескольких лет журнал обошёл своего конкурента «The Russian Review» и по тиражу, и по объёму, и по содержательности (особый интерес представляли дискуссии, публиковавшиеся почти в каждом номере). В 1967 г. это было молодое, динамично развивающееся издание с неплохим финансированием и, как нетрудно догадаться, серьёзными амбициями. Его первый редактор Дональд Тредголд отклонял три из четырёх приславшихся рукописей¹⁸.

Этот журнал подошёл к празднованию пятидесятилетия русской революции совершенно иначе. Зная, что юбилей будет широко отмечаться, редакция серьёзно рассматривала вопрос о специальном номере «1917», — но отказалась от этой идеи¹⁹. Причины этого подробно объяснялись в редакционной статье²⁰. По словам главного редактора Генри Робертса, была проведена «разведка», но результаты не порадовали. Хотелось чего-то нового, свежего, написанного по вдохновению, а не «по случаю». Возможно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что после публикации большой — на два номера — статьи Хеймсона редакции не хотелось «уронить планку». Ничего подобного на горизонте не просматривалось, и Робертс не упомянул о ней, а просто написал: «Мы не хотели быть одними из многих».

Кроме того, Робертс скептически оценивал юбилей и их воздействие на историческую профессию, считая, что «круглые даты» побуждают к поверхностным и даже, возможно, неверным высказываниям и выводам. Между тем сам масштаб кризиса 1917 г., который редакция считала глубочайшим разрывом, тектоническим сдвигом в мировой истории, не располагал устраивать «вечеринку в честь дня рождения» (birthday party). Несмотря на прошедшие полвека, русская революция — как и Первая мировая война — остаётся событием сегодняшнего дня, потому что мир живёт в последствиях этих событий, и конца этому пока не видно. В оценках по-прежнему слишком много эмоций — 1917 г. оставил глубокие раны, не все из них затянулись. Примирения между победителями и побеждёнными в обозримом будущем не предвидится. И не дело сторонних наблюдателей в это вмешиваться. Но мы — исследователи на Западе — писал Робертс, должны больше *вчувствоваться* в русскую революцию, это поможет лучше её понять. 50 лет — небольшой срок для исторического события такого масштаба. Постигание его значения и сущности представляет собой долговременную задачу, которую исследователи начали решать сразу после свержения монархии и будут решать ещё долго²¹.

¹⁸ Engerman D.C. Op. cit. P. 77—78.

¹⁹ Надо сказать, что такой номер выпустила «Критика» — скромный журнал, который издавался в Гарварде под руководством Р. Пайпса. В его юбилейном номере опубликованы несколько рецензий, написанных такими признанными специалистами, как сам Пайпс, Дэниелс и Теодор фон Лауэ. А открывал номер более чем доброжелательный отзыв Уильяма Розенберга на книгу Э.Н. Бурджалова «Вторая русская революция» (*Большакова О.В.* Мост через Атлантику: Американский журнал «Критика» и советская историография в годы холодной войны // Вестник Смоленского университета. Смоленск, 2015. № 1(29). С. 207—220).

²⁰ From the editor // Slavic Review. 1967. Vol. 26. № 1. P. V.

²¹ Ibid. C. V—VI.

Тем не менее, отказавшись влиться в ряды празднующих, редакция не бойкотировала тему революции. Во-первых, были опубликованы статьи по историографии — как зарубежной, так и советской (что, несомненно, являлось заявкой на серьёзное изучение темы)²². Во-вторых, помещены статьи молодых американских историков, представителей нового поколения, которое станет определять лицо русистики в последующие годы, вплоть до окончания холодной войны²³. Есть и сообщение Р. Дэниелса о том, как советские историки собираются праздновать 50-летие Октября²⁴. В-третьих, опубликовано множество рецензий на книги, вышедшие к этому времени.

Первый номер за 1967 г. открывался большой дискуссией о сравнительно-политическом изучении коммунистических систем — проблеме, имевшей прямое отношение к итогам 1917 г.²⁵ Это, с одной стороны, свидетельствовало о серьёзном внимании журнала к советологии, которой отводилось большое место на его страницах. С другой стороны, публикация разгромной рецензии Анатолия Мазура на типично «советологическую» книгу У. Лакёра²⁶ заставляет предположить, что отношение к этому политизированному направлению исследований было достаточно критическим. Приветствовалось строгое научное изучение региона СССР и стран Восточной Европы в рамках политологии.

В результате «урожай» публикаций в «*Slavic Review*» получился неплохим, да и научные итоги юбилея в целом порадовали, так что через год редакция пожалела о своём скепсисе. Выяснилось, что юбилей действительно может стать серьёзным стимулом для науки. В редакционной статье отмечено, что вышло несколько («как минимум четыре») книг, достойных войти в библиографию²⁷. Удивил и уровень дискуссий — здесь «*The Russian Review*» оказался проницательнее. Казалось, пришло время взвешенных исторических исследований.

Но, как мы знаем, через некоторое время с новой силой вспыхнули страсти — «культурные войны» между молодыми историками-ревизионистами и сторонниками тоталитарной модели, принадлежавшими преимущественно к старшему поколению. И борьба между ними началась именно по проблеме 1917 г. Будучи социальными историками, ревизионисты сосредоточились на изучении народных масс и их роли в революции. Большое место в их исследованиях, основывавшихся на архивных источниках, занимал эмоциональный компонент, о значении которого уже в 1967 г. писал Г. Робертс. Это был новый, самостоятельный нарратив, сложившийся в ходе ожесточённых дискуссий, и «*Slavic Review*» оказался одной из ведущих площадок, на которых разворачивались эти сражения.

После распада СССР революционная тема достаточно быстро утратила свою актуальность и в России, и за рубежом. Однако «*Slavic Review*» всё-таки подготовил к столетию Октября юбилейный номер. Его можно считать репрезентативным как в отношении круга рассматриваемых проблем, так и для

²² *Szporluk R.* Pokrovski's view of the Russian Revolution // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, № 1. P. 70—84; *Warth R.D.* On the historiography of the Russian Revolution // *Ibid.* № 2. P. 247—264.

²³ *Asher A.* Axelrod and Kautsky // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, № 1. P. 94—112; *Wade R.* Argonauts of peace: The Soviet delegation to Western Europe in the summer of 1917 // *Ibid.* № 3. P. 453—467.

²⁴ *Daniels R.V.* Soviet historians prepare for the fiftieth // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, № 1. P. 113—118.

²⁵ Symposium // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, № 1. P. 1—28.

²⁶ *Mazour A.G.* Rec. ad op.: *Laqueur W.* The fate of the revolution: Interpretations of Soviet history // *Slavic Review*. 1967. Vol. 26, № 2. P. 321.

²⁷ From the editors // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27, № 1. P. 1.

характеристики самих исследований в целом. Следует отметить, во-первых, их интернациональный характер, во-вторых, присутствие свежей проблематики. Но главное — возникновение новых дисциплин, в рамках которых изучается русская революция. Это гендерные и постколониальные исследования, глобальная история, история империй, наконец, культурная история с её вниманием к визуальным источникам. В номере опубликовано 18 статей общим объёмом 170 страниц — итог столетию изучения на Западе русской революции получился весомый²⁸.

Напротив, «The Russian Review» фактически не откликнулся на вековой юбилей. На его страницах появилась лишь статья Д. Бранденбергера о «сталинском прочтении» 1917 г.²⁹ Правда, иллюстрация на обложке вполне «революционная» — гравюра из «Истории Гражданской войны в СССР», издававшейся М. Горьким. На ней изображены солдаты под знаменем с ленинским лозунгом «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую», что подчёркивает сегодняшний интерес к Первой мировой войне и последовавшим за ней революционным кризисам в Европе. Несомненно, основная причина невнимания журнала к столетию революции — малая востребованность этой темы в современной американской историографии, занятой другими проблемами и, возможно, достаточно «уставшей» от неё за годы холодной войны.

²⁸ *Etty J.* The legacy of 1917 in graphic satire // *Slavic Review*. 2017. Vol. 76. № 3. P. 664—674; *Friedman J., Rutland P.* Anti-Imperialism: The Leninist legacy and the fate of world revolution // *Ibid.* P. 591—599; *Koenker D.* The Russian revolution as a tourist attraction // *Ibid.* P. 753—762; *Lohr E., Sanborn J.* Russia, 1917: Revolution as demobilization and state collapse // *Ibid.* P. 703—709; *Rendle M.* Making sense of 1917: Towards a global history of the Russian revolution // *Ibid.* P. 610—618; *Rodriguez A.Z.* Lenin in Barcelona: The Russian revolution and the Spanish *trienio bolchevista*, 1917—1920 // *Ibid.* P. 629—636; *Ruhtchild R.* Women and gender in 1917 // *Ibid.* P. 694—702; и др.

²⁹ *Brandenberger D.* Stalin's re-writing of 1917 // *The Russian Review*. 2017. Vol. 76. № 4. P. 667—689.